Обыкновенная погоня" Н. Саймон (Театр Мн. комсомола) театр "Балтийский дом" 21/VII-96г. с-116

Культура. - 1996. - 21 дек. - с. 12

Случайный триптих с берегов Невы

ВКУС СЕЗОНА

Если жить в городе долго и в театры ходить регулярно, то в любых сценических обзорах случайности, конечно, места нет. Вместо нее появляются концепции, тенденции и прочие умные вещи. Когда же времени у тебя всего три дня, то театральный срез выходит более или менее произвольным. И объединяет увиденные спектакли, пожалуй, лишь то, что все они — недавние премьеры текущего сезона

Ирина АЛПАТОВА

Приговоренные к жизни

Большой Драматический театр – традиционно один из авторитетнейших и любимых не только петербуржцами, но и гостями северной столицы. И какие бы перемены к лучшему или наоборот, там ни происходили в последние годы, отличительные приметы коллектива все же сохранялись: общая интеллигентность атмосферы, профессионализм крепкой режиссуры, яркость актерских личностей. На сей раз здесь играли миф об Антигоне в версии французского драматурга Жана Ануйя в постановке Темура Чхеидзе.

Как известно, миф для Ануйя был не более чем поводом для постановки современных вопросов, где человек двадцатого столетия решает главнейшую проблему экзистенциалистов – проблему выбора. Антигона в джинсах и свитере. Креон в домашнем вязаном жакете, персонаж по имени Хор в парадном белом костюме-двойке, стражники с резиновыми милицейскими дубинками – все это давно стало привычным, практически родив новую традицию, и уже никого не удивляет. Правда, живут герои нынешнего, "Антигоны" на фоне узнаваемых античных развалин (художник В.Куварин), но и в этом есть свой смысл – покров "вечности", означальный смысл человеческого бытия, который всегда оценит самые наисовременнейшие проблемы.

Интеллектуальная драма, как ей и положено по законам жанра, практически лишена внешнего действия и эффектных сюжетных поворотов. Здесь действуют разум, мысль, идея, а тело лишь послушно выполняет их указания. Понятно, что режиссеру, организующему происходящее на сцене, в подобных условиях приходится трудновато. Т.Чхеидзе здесь слишком намеренно отстранился, остался как бы "за кадром", предоставив актерам куда большую свободу, чем это обычно случалось в его постановках. Кажется, что та самая проблема выбора в спектакле БДТ возведена в куб: определиться в собственной линии поведения должны не только персонажи, но и актеры по отношению к своим героям, а также и зрители – к общему сценическому смыслу.

В центре пьесы, как известно, находится идейная дуэль юной бунтарки Антигоны, "героини" по традиционному сценическому амплуа, и жесткого до цинизма "государственного человека", царя Креона. Дуэль личности и государства, свободы и закона, идеиных и множества. Идейная схватка предполагает наличие двух равновеликих противников, убежденных в собственной правоте до последнего предела, до той грани, где лучше умереть, но не изменить себе.

Так положено, но... В спектакле БДТ дуэли на равных не случилось. Сказалась разность "весовых категорий", темпераментов, сценического и жизненного опыта и той самой определенности по отношению к своему персонажу. Слишком юная, слишком неуверенная в своей правоте, идущая на ощупь, словно с завязанными глазами, Антигона Марии Лаврской для Креона Олега Басилашвили – противник слабый и незначительный. Она и бунтует-то как-то робко, неосознанно, неинтенсивно. Кажется, еще чуть-чуть, и она забудет все свои глупости, станет послушной своей вочкой и тихо сядет, склонив голову на плечо Креона, убаюкиваемая его мудрым и спокойным голосом.

Но на это "чуть-чуть" у Креона – Басилашвили уже не хватает времени, ни терпения. Артист, и сам некоторое время бывший "государственным человеком", прошедший искушение большой политикой, мог ли Басилашвили не сыграть эту роль лично-то, из себя? Нет, он вовсе не педалирует вполне прозрачные социальные параллели, не читает мораль зрительному залу, но его убежденность, обжигающая искренность, страстная откровенность вырастают не из хорошо выученного текста роли, а из собственных прозрений.

И тут происходит неожиданный и парадоксальный перевертыш смысла: Креон становится центром спектакля, несущим в этот мир порядок вместо хаоса, государственную мудрость вместо бессмысленного бунта, а кажущаяся жестокость оборачивается простой разумностью и необходимой трезвостью. А дуэль между двумя противниками сменяется внутренним поединком Креона с самим собой: тем, молодым, способным на прекрасно-душный юношеский бунт, и нынешним, зрелым и мудрым, навсегда отрекшимся от сантиментов.

Недолго нежил нас обман...

По воле все той же случайности, второй петербургский вечер, проведенный в Театре комедии имени Н.П.Акимова, тоже располагал, скорее, к раздумьям, нежели к вечернему отдохновению от будничных забот. Молодой художественный руководитель театра Татьяна Казакова предложила публике "Клавир для начинающих кларьеру" по практически забытой в наши дни пьесе М.Е.Салтыкова-Щедрина "Тени".

Затея Казаковой, казалось, была весьма рискованной. Салтыков-Щедрин – не из разряда популярных и привлекающих зрительский интерес драматургов. Да и сам в себе писатель, кстати сказать, ценил более публицистическую остроту, нежели художественность. Да, наше время иногда сделало его актуальным – помнится, на спектакля "Белый столбъ", поставленном в Москве Николаем Губенко, зрители буквально вздрагивали от точности словесных попаданий. Но для театра, согласитесь, этого все же недостаточно.

Т.Казакова барьер навязчивой дидактичности, ужасающие длинноты монологов (порой доходящих до двух-трех страниц книжного текста) и общую рационалистическую конструкцию драмы преодолевает весьма умело и успешно. История молодого "либерала" и проеинциала Бобырева, попадающего в чиновный, бюрократически-продажный и развратный Петербург и примеряющего на себя его законы, обратилась в шумную, броскую, гротесковую фантасмагорию. Здесь, как в каком-то хмельном сне, перемешалось все: суховатая чинность кабинетов и угар маскарада, тусклое мерцание керосинок и ослепительные порывы снежной метели, дергающиеся, подобно марионеткам, фигуры чиновников и дети, с трогательным пафосом читающие пушкинское "Товарищ, верь!".

То, что у Салтыкова-Щедрина оставалось "за кадром", в виде неких авторских комментариев – отдельные персонажи, их мысли и поступки, – Казакова делает зримым, выводит на сцену и бросает в общий водоворот. Обживает прошлое, тайное становится явным, а будущее – осязаемым. "Актуальность" фраз и монологов растворяется в актерской игре – пластике, жестах, интонациях, и попадает в зрителей уже не столь любезно и безаплеляционно-прямолинейно. С Бараиова (Клаверов), А.Крыщук (Тараканов), С.Кузнецов (Набойкин), В.Сухоруков (Свистиков), А.Ваха (Бобырев) и все прочие – срывают аплодисменты не столько за удачно брошенное слово, сколько за оригинальную манеру его подачи, и чем весьма и преуспевают.

Забавы одиноких дам

Впрочем, идеализировать театральную жизнь любого города вряд ли стоит.

Театр "Балтийский дом" (бывший питерский Ленком) только-только отпраздновал свое 60-летие. К юбилею (судя по афише) премьеры сыпались, как из рога изобилия. Одна из них – современная комедия Н.Саймона "Обыкновенная погоня", переведенная, поставленная и частично сыгранная (одна из главных ролей) актрисой этого же театра Наталией Поповой. Правда, внешний антураж составлял разительный контраст с увиденным в других театрах: огромное, холодное, унылое здание бывшего Народного дома, зрительный зал, заполненный едва ли на треть (премьера! комедия! любимые актрисы!?), спокойное равнодушие публики.

Очень скоро стало понятным, почему все так. Вялотекущее действо, не заполнившее особый черный зиявший провал громадной сцены, монотонно пробуксывало на месте, несмотря на отчаянные и не слишком уверенные "режиссерские" попытки как-то расцветить происходящее: внезапным оглушительным музыкальным аккордом, сверканием разноцветных лампочек или весьма беспомощными плясками. Шесть дам бальзаковского возраста, среди которых выделялась центральная героиня Оливии – Татьяна Пилецкая и Флоренс – Наталия Попова, забавлялись интеллектуальной игрой, похожей на нашу "Что? Где? Когда?", и параллельно тосковали от невостребованности сильным полом.

Сами актрисы, кстати сказать, были весьма неплохи и при более умелой их подаче могли бы сыграть нечто достойное. Но надев на себя нелепые и порой отталкивающие "маски", утомляли однообразием сценического поведения и не слишком эстетичным внешним видом.

А появление долгожданных и вожделенных мужчин и вовсе сразило наповал. Парочка "мстителей" своего земляка Бендераса не напоминала даже отдаленно. Субтильный и весьма в годах Моноло (В.Татосов) говорил почему-то с кавказским акцентом, а его молодой собрат Джеэус (А.Дубаков) и вовсе казался "дитем Поволжья", к тому же изрядно принявшим на грудь, а потому вздрагивал на все происходящее с идиотическим блаженством. А уж когда первый, выйдя на авансцену и медленно-многозначительно расстегнув молнию на брюках, после долгих "внутренних" поисков стал наделять дам извлеченным оттуда сувенирами (так сказать, от всего... понятно, что не сердца), самая благожелательная часть публики в смущении потупила глаза. И тут уж подумалось не столько о сценических "находках", сколько о том, что при подобных юбилейных представлениях лучше бы театру, некогда знавшему иные времена, навсегда остаться молодым, ведь пошлость и безвкусица – не лучший подарок к празднику.

...Конечно, заканчивать эти случайные заметки не хочется на столь курьезной ноте. А потому еще несколько слов. Беглый взгляд на театральную жизнь Петербурга позволяет заметить, что театр здесь – явление живое, актуальное и в народе обсуждаемое. В московском метро, набитом привычными полосатыми баулами и их агрессивными обладателями, едва ли услышишь дискуссию на тему недавней премьеры. В питерской подземке это случалось, и не раз. В обрывках случайных фраз, подслушанных в толпе на Невском, звучали знакомые имена: Додин, Фрейндлих, Боярский. Публика, стрелявшая вечерами лишний билетик, и вовсе обсуждала сценические проблемы со знанием дела, совсем, как в каком-нибудь дискуссионном клубе критиков. Что, правда, не мешало этой самой публике, с трудом пробившейся в зал, совершать демонстративный вояж в обратном направлении прямо в середине действия, если увиденное не соответствовало ожидаемому. Наверное, так должно и быть...